

УДК 316

М. В. Новиков

<https://orcid.org/0000-0002-2013-1919>

Т. Б. Перфилова

<https://orcid.org/0000-0002-2498-8688>

Использование М. М. Хвостовым понятий «эволюция» и «прогресс»

Для цитирования: Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Использование М. М. Хвостовым понятий «эволюция» и «прогресс» // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 207–214. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-207-214

Рассматривается отношение М. М. Хвостова к понятиям «эволюция» и «прогресс», особенности их применения в его научных трудах. Отмечается, что в отличие от многих своих коллег, отказавшихся в конце XIX в. от использования понятия «прогресс», Хвостов не заменил его более строгим понятием «эволюция» и продолжал применять оба понятия, заменяя одно понятие другим, считая их равнозначными, исходя из того, что оба понятия означают строго направленное движение социума вперед, от низшего к высшему, от простого к сложному, от примитивного к «более культурному». Применительно к Древней Греции отмечается подчеркивание М. М. Хвостовым ускорявшихся по его мнению из века в век темпов появления новых культурных достижений, стремление самих греков к постоянному эстетическому самосовершенствованию. Признавая наличие препятствий (военные действия, «революция», консерватизм отдельных слоев общества и т. д.) на пути непрерывной эволюции древних обществ, М. М. Хвостов, тем не менее, не решился «усовершенствовать» социологические доктрины О. Конта, Дж. С. Милля, Г. Спенсера, сохранив верность умозрительным конструкциям своих великих предшественников. Отмечается, что М. М. Хвостов не проявил интереса к рассуждениям Н. И. Кареева о сущности эволюции и прогресса, о том, что не всякая эволюция может считаться прогрессом, что представление о прогрессе – это представление оценочного характера, следовательно оно субъективно, не совместимо с идеалами точной, объективной доказательной науки, то есть позитивизма. Подчеркивается, что М. М. Хвостов с опозданием от своих коллег примерно на десятилетие также начал отказываться от использования понятия «прогресс», предпочитая понятие «эволюция с общей прогрессивной направленностью». Он делал это под влиянием новых убеждений, связанных в том числе с признанием концепции Э. Мейера о циклическом развитии народов Древнего мира. Отмечается, что со временем понятия «прогрессивные идеалы», «прогрессивные взгляды» стали больше ассоциироваться с политической деятельностью, понятия «прогресс в науке», «прогресс в технике», «прогресс в экономике», прогресс в той или иной отрасли культуры – с успехами и достижениями в социально-экономической и культурной сферах общества.

Ключевые слова: прогресс, эволюция, регресс, преемственность, постепенность, последовательность, социум, культурные процессы.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

M. M. Khvostov's use of the concepts of «evolution» and «progress»

The article considers M. M. Khvostov's attitude to the concepts of «evolution» and «progress», and the peculiarities of their application in his scientific works. It is noted that, unlike many of his colleagues who abandoned the use of the concept of «progress» at the end of the XIX century, Khvostov did not replace it with a stricter concept of «evolution» and continued to apply both concepts, replacing one concept with the other, considering them equivalent, on the assumption that both concepts refer to the strictly directed movement of society forward, from the lowest to the highest, from the simple to the complex, from the primitive to the «more cultural». In relation to Ancient Greece, M. M. Khvostov emphasizes the faster pace of the emergence of new cultural achievements from century to century, and the desire of the Greeks themselves for constant aesthetic self-improvement. Recognizing the existence of obstacles (military actions, «revolution», conservatism of certain strata of society, etc.) on the path of the continuous evolution of ancient societies, M. M. Khvostov, however, did not dare to «improve» the sociological doctrines of O. Comte, J. S. Mill, G. Spencer, remaining faithful to the speculative constructions of his great predecessors. It is noted that M. M. Khvostov did not show interest in N. I. Kareev's arguments about the essence of evolution and progress, that not every evolution can be considered progress, that the idea of progress is a representation of an evaluative nature, therefore it is subjective, incompatible with the ideals of an accurate, objective evidence-based science, that is, positivism. The

authors emphasize that M. M. Khvostov, about a decade after his colleagues, also began to avoid using the concept of «progress», preferring the concept of «evolution with a general progressive orientation. He did so under the influence of new beliefs, including the recognition of E. Meyer's concept of the cyclical development of Ancient nations. It is noted that over time the concepts of «progressive ideals», «progressive views» became associated more with political activity; the concepts of «progress in science», «progress in technology», «progress in the economy», and progress in a certain branch of culture – with successes and achievements in the social, economic and cultural spheres of society.

Key words: progress, evolution, regression, continuity, gradualism, consistency, society, cultural processes.

Введение

Данная статья является продолжением наших предыдущих публикаций о Михаиле Михайловиче Хвостове (1872–1920) [Новиков, Перфилова, 2020, (а), (б)], который относится к числу видных российских историков конца XIX – начала XX в. с трагической судьбой. Золотой медалист Керченской гимназии без труда поступил в Московский университет, по окончании, поработав непродолжительное время в Москве, переехал в Казань, где становится профессором Казанского университета, плодотворно работая в историко-культурном дискурсе древних цивилизаций. Активное участие в политической жизни революционной России и события гражданской войны занесли его в Томск, где он заразился сыпным тифом и умер.

Результаты исследования

М. М. Хвостов постулировал безостановочное развитие народов древности. Даже замечая встречавшиеся у них время от времени отклонения от магистральной линии движения, он все равно подчеркивал поступательный и преемственный характер исторической эволюции. Нам также известно, что это «поступательное движение» являлось для него не только признаком эволюции, но и характеристикой понятия «прогресс» [Хвостов, 1927, с. 15].

Многие современники казанского профессора уже на исходе XIX в. остерегались включать в свой тезаурус термин «прогресс», видя в нем импликации гегелевской метафизики. Что касается М. М. Хвостова, то он еще в первом десятилетии XX в. не испытывал настороженности к идее прогресса, не заменял «прогресс» «более строгим понятием эволюции» [Кон, 1964, с. 15], а совмещал оба эти понятия: свободно переносил терминологические смыслы «прогресса» на процесс исторической эволюции, замещал одно понятие другим, фиксируя идею развертывания событий и явлений во времени, и не нагружал ее никакими другими смысловыми коннотациями.

Эти манипуляции словами особенно заметны в курсе «История Древнего Востока» (1909) и появившейся на два года раньше магистерской дис-

сертации ученого «История восточной торговли греко-римского Египта».

К примеру, он использовал следующие выражения, вкладывая в них один и тот же смысл: «эволюция торговых сношений» и «прогресс в торговых отношениях» [Хвостов, 1907 (а), с. 3, 71], «культурный прогресс» и «развитие культуры» [Хвостов, 1907 (а), с. 12, 192].

В аналогичном ключе можно рассматривать и нижеприводимые выражения и обобщения, где замена «эволюции» «прогрессом» (и наоборот) не влечет за собой изменения содержания высказываний: «древневосточные культуры прогрессируют», взаимные влияния «древневосточных культур – фактор прогресса» [Хвостов, 1927, с. 14]; «результат культурного прогресса» – появление государства [Хвостов, 1907 (б), с. 364]; «экономический прогресс способствует переходу общества от низших государственных форм к высшим» [Хвостов, 1907 (б), с. 268].

Нет ничего предосудительного в том, видимо, полагал М. М. Хвостов, чтобы идею развития, так прочно обосновавшуюся в общественном сознании и даже отождествлявшуюся с историческим подходом к анализу любых историко-культурных явлений и процессов, передавать через равнозначные и даже эквивалентные понятия «эволюция» и «прогресс».

В обоих случаях подчеркивается строго направленное движение вперед: от низшего к высшему, от простого к сложному, от неразвитого к более совершенному (состоянию, строению, составу, содержанию), от примитивного к «более культурному».

В обоих случаях выявляются последовательность, преемственность, постепенность в качестве главных признаков никогда не останавливающихся изменений в социуме и сферах его существования.

В обоих случаях уместны оптимистические коннотации и прогнозы: «появление нового, передового», «изменение к лучшему», «усиление», «возрастание».

Аксиологические акценты, присутствовавшие при интерпретации как эволюционных, так и прогрессивных изменений, делали позволительным вершить суд над прошлым и выносить ему приго-

вор.

К чести профессора надо сказать, что он автоматически не переносил на общество характерные для мира животных биологические закономерности эволюционного процесса. Хотя названные М. М. Хвостовым «естественные» законы, одинаково применимые ко всем живым организмам (и человеку, в том числе), могут указывать на его доверие социал-дарвинизму [Кон, 1964, с. 44], ход его мыслей не был оригинальным, и источники подобных суждений найти несложно. Так, примеры аналогичных суждений можно встретить в монографии Э. Бернгейма «Введение в историческую науку». Немецкий теоретик категорически отвергает попытки «нахождения общих законов» исторического развития. Только в том случае, считал он, если воспринимать общество разнообразностью биологических организмов, а человека – сугубо биологическим видом, можно руководствоваться «вечными» законами с «заранее предопределенными следствиями соответствующих причин» [Бернгейм Э., 1908, с. 22, 30, 36, 54]. Примеры, приводившиеся М. М. Хвостовым, могут говорить о том, что двуединая природа человека иногда им элиминировалась.

М. М. Хвостов не озадачивал себя вопросами о различии эволюции и прогресса, о пределах прогрессирования психологии человека, общественной морали, социальных взаимодействий, о противоречивости и относительности прогресса в антагонистических обществах. Проблемы совместимости эволюции с революционными «катастрофами», а прогресса – с постоянством, как и вопросы сосуществования прогресса с регрессом или застоём, мимоходом упоминались лишь в лекционных курсах и обстоятельного теоретического осмысления не получили.

Смысловых различий в использовании лексем «регресс», «упадок», «застой» мы также не обнаружили. Видимо, значение этих состояний общества было сродни болезни, затяжной и тяжелой, но она не угрожала смертью, а значит, и не ассоциировалась с остановкой исторического процесса и тем более с гибелью цивилизации.

Такой смысл вкладывал М. М. Хвостов в жизнеутверждающее заключение курса истории Древней Греции, занимавшей значительное место в его творчестве [Хвостов, 1924; б/г (а, б, в, г)]. Он сообщал: «Греция в эпоху Римской империи (I–II века)... переживает глубокий экономический упадок... Большинство здешних городов превратилось в маленькие местечки. Даже Афины являются в эту эпоху лишь культурным центром...

Однако упадок Европейской Греции... отнюдь еще не говорит об упадке греческой нации. Расселение греков в Передней Азии продолжается и в римское время; теперь греки находят приложение своему труду и на западе. Роль греков в культурной жизни Римской империи огромна...» [Хвостов, 1924, с. 250].

Во втором десятилетии XX в. М. М. Хвостов начинает использовать понятие «прогресс» с большей осторожностью. В лекциях по «Истории Греции», второе издание которых увидело свет в 1918 г., «прогресс» применяется только к двум сферам общественных отношений: экономике и «чисто культурной жизни» [Хвостов, 1924, с. 130].

У М. М. Хвостова в это время формируются устойчивые представления о разной скорости взрывания и интенсивности протекания связанных нитью преемственности «культурных процессов». Своеобразной реакцией на осмысление проблемы асинхронности эволюционного процесса, в котором могли сосуществовать эпохи латентного и ярко выраженного развития, служат его рассуждения о причинах небывалого подъема древнегреческой духовной культуры в V в. до н. э. «Каждое следующее поколение V века в смысле интенсивности культурных интересов превосходило предшествующее, – писал он об «общественных кругах» Афин, имевших «достаточный досуг для культурной работы». Подчеркивая не только ускорившиеся из века в век темпы появления новых культурных достижений, но и стремление самих греков к восхождению до все новых и новых высот в своем эстетическом самосовершенствовании, он сообщал: «Век Перикла в Афинах являлся эпохой культурного расцвета, но и во время Пелопоннесской войны духовная жизнь не иссякла, хотя, конечно, столь интенсивного прогресса, как до войны, не было: замечаются даже некоторые признаки понижения культурного уровня афинской массы (процессы Анаксагора, Фидия, Сократа)... После же войны, в IV в., культурное развитие Афин вновь пошло быстрым темпом вперед» [Хвостов, 1924, с. 196].

Профессор дает понять своей аудитории, что прогресс мог быть как более интенсивным, так и менее заметным по своим проявлениям. Причиной, замедлявшей любые внутренние, в том числе и «чисто культурные» преобразования, по его соображениям, служила нестабильная внешнеполитическая ситуация и, главным образом, военные действия.

В курсе лекций по истории Древней Греции

он также начинает упоминать о «революционных событиях» в жизни Афин, «революционных действиях» отдельных афинских политиков-реформаторов [Хвостов, 1924, с. 150, 227, 243], однако не углубляется в теоретические аспекты проблемы взаимодействия плавной эволюции и революционных преобразований общества. Более того, там, где это возможно, он выражает свое неприятие революционных взрывов, не верие в их неизбежность и, доказывая банкротство революционной идеологии, вносит в свои рассуждения об общественном развитии мысль о естественности инерционной иммобильности социальной жизни и, соответственно, естественности насильственных средств преобразования привычного для носителей той или иной культуры уклада.

Ссылаясь на «Философию истории» Т. Линдлера, М. М. Хвостов сообщает следующее: *«Изучая эволюцию общества, мы должны считаться не только с двигающими силами, но и с инерцией»* [Хвостов, 2011, с. 84. Курсив автора]. Далее, по привычке проводя аналогии между социумом и миром Природы («то, что верно по отношению к природе вообще, верно и по отношению к человеческому обществу» [Хвостов, 2011, с. 83]), он уверяет нас в том, что «в действительности человеческое общество склонно пребывать в покое», и объясняет чуждость сознанию людей любых проявлений «сил» экспансионизма, которые выводят их сообщество «из состояния покоя. Сила инерции, – по его убеждению, – противодействует этим стимулам» [Хвостов, 2011, с. 83. Курсив автора].

На примере крестьян, никогда не спешивших «менять привычный хозяйственный уклад жизни» и предпочитавших традиционными способами решать сложные экзистенциальные проблемы, он приходит к выводу о том, что именно сила инерции повинна в пребывании низших слоев общества «в состоянии покоя» [Хвостов, 2011, с. 83, 84].

Облеченные властью высшие слои общества в еще большей степени были заинтересованы в сохранении всех существующих отношений в неизменном виде. К примеру, «останавливаться в развитии» была готова спартанская аристократия. «Спарта называлась государством равных, – разъяснял свою мысль профессор. – В других государствах Греции знать в эпоху Средневековья [он имел в виду XI–VII вв. до н. э. – М. Н., Т. П.] усилилась; в Спарте же она существует, но не развивается, так как государство в целом должно было

поддерживать имущественное равенство, дабы каждый спартиат мог нести военную службу. Иначе имущественное неравенство повлекло бы за собой военное неравенство...» [Хвостов, 1924, с. 157].

Таким образом, М. М. Хвостов констатировал наличие в некоторых слоях общества резистентности к постоянным преобразованиям, указал на инерционность сознания больших общественных групп, готовых по разным причинам пренебрегать насущными нуждами, подавлять в себе потребность в развитии, совершенствовании.

По логике вещей, это должно было внести коррективы в излагавшуюся им теорию исторического процесса и общественной эволюции. Непрерывного прогресса в жизни общества не существует – этот вывод подсказывали и отклонявшиеся от голой абстракции примеры с консервативным крестьянством, в силу своей косности боявшимся любых перемен, и со спартанской знатью, преисполненной заботой об общем благе сограждан.

В не меньшей степени на это указывали упоминавшиеся профессором «силы», при благоприятных обстоятельствах превращавшиеся в заслон непрерывной эволюции (или «интенсивного прогресса»).

К сожалению, даже выведенные на поверхность факты и их объяснения не привели к углублению выводов М. М. Хвостова об историческом процессе, его сложности и амбивалентности. Со всей очевидностью наблюдая относительность результатов эволюции, обращая внимание на наличие длительного застоя в истории многих народов древности, что вступало в конфликт с идеей неисчерпаемого прогресса, констатируя противоречивые сочетания постоянства (устойчивости, неизменности) с однолинейным движением вперед, М. М. Хвостов не решился усовершенствовать умозрительную точку зрения на проблему эволюции. Вопреки исторической конкретике, он сохранял верность социологическим доктринам О. Конта, Дж. С. Милля и Г. Спенсера и, в отличие от многих своих современников, не делал попыток «подработать» учения классиков позитивизма о развитии.

Авторитет этих великих европейских мыслителей довлел над сознанием М. М. Хвостова. Нет сомнений в том, что он в своих исследованиях отталкивался от идей «социальной статики» и «социальной динамики» О. Конта и Дж. С. Милля, но, как и его великие предшественники, не смог до конца выяснить связь «за-

кона прогресса», или, по их уточнению, социальной динамики с социальной статикой.

То же самое наблюдается и при взаимоотношениях М. М. Хвостова с наследием Г. Спенсера. Он горячо поддерживал саму идею социальной эволюции – центральное понятие спенсеровской философии, не сомневался в реальности процесса исторической эволюции, подчеркивал ее неустрашимый поступательный характер, проявлявшийся в постепенном усложнении социальной структуры, дифференциации социальных функций всех народов древности. Однако он не попытался внести что-то новое ни в теорию эволюции, ни в формализацию понятий, передающих идею развития.

Эту ситуацию можно объяснить, главным образом, тем, что «понятие развития» – центральное в науке второй половины XIX – начала XX в., по утверждению Э. Бернгейма, «имело различные значения и в наше время весьма спорно».

Действительно, немногие «смельчаки» решились погрузиться в смысловые детали понятий «эволюция» и «прогресс» и, невзирая на мнения авторитетов, трактовать их по-своему. На исходе XIX столетия Н. И. Кареев – единственный из всеобщих историков ученый России, профессионально занимавшийся историческими проблемами, заявлял об отождествлении «многими социологами... обоих терминов» [Кареев, 1897, с. 200].

Отстаивая ценность идеи прогресса и считая ее главным руководящим принципом всемирно-исторического подхода к изучению всеобщей истории [Нечухрин, 2003, с. 50, 51], он сделал попытку дать первое в России научное обоснование теории прогресса, которое и для нас имеет несомненный интерес.

Констатируя абсолютную неразработанность в науке «вопроса о сущности исторического движения» [Кареев, 1897, с. 170], Н. И. Кареев, как и М. М. Хвостов, берет за отправную точку своих рассуждений представления О. Конта о «социальной статике» и «социальной динамике» [Кареев, 1897, с. 189–192], но заметно их корректирует при помощи сравнительного анализа понятий «исторический процесс», «историческая эволюция», «прогресс» и соотношения их значения, сфокусированного на идее развития, с понятиями, противоположными по смыслу: «застой», «кризис», «регресс».

О также подвергает ревизии и механистически понятию Г. Спенсером сущность эволюции и не расценивает ее как всеобщее прямолинейное движение [Кареев, 1897, с. 194, 195].

Содержание исторического процесса, по Карееву, составляет поступательная «эволюция культуры и социальных форм, осуществляемая только посредством человеческой деятельности» [Кареев, 1897, с. 161]. Под эволюцией следует понимать вообще «развитие форм», в то время как прогресс представляет собой выражение принципа, сущности, идеи, оценки. «Эволюция есть факт объективного наблюдения», прогресс – «факт для субъективной оценки. Социальная эволюция есть процесс интеграции и дифференциации форм; социальный прогресс есть процесс воплощения в этих формах высших принципов» [Кареев, 1897, с. 195].

По мнению Н. И. Кареева, не всякую эволюцию можно считать прогрессивной, так как прогресс, в отличие от эволюции, всегда ассоциируется с «благом», общечеловеческими ценностями [Кареев, 1897, с. 198]. Развитие нам тоже хотелось бы отождествлять с совершенствованием, улучшением, возвышением [Кареев, 1897, с. 165, 167], но в истории встречаются такие «развития», которые тормозят или останавливают прогрессивный процесс истории», вступают в разлад с «тенденцией прогресса умственного, нравственного и социального», как, например, эволюция средневекового католицизма [Кареев, 1897, с. 201]. Кроме того, полагал мыслитель, «понятие эволюции равносильно понятиям постепенности и последовательности и в этом смысле противопоставляется внезапным переворотам, прерывающим... естественный ход вещей» и открывающим простор либо прогрессивным явлениям (состояниям), либо, напротив, регрессивным последствиям. Хотя прогресс, как правило, осуществляется скачкообразно, через «внезапные перевороты» – «кризисы» [Кареев, 1897, с. 197], науке приходилось сталкиваться и с ситуациями постепенного накопления в обществе прогрессивных изменений [Кареев, 1897, с. 201].

Вместе с тем у эволюции и прогресса есть немало общего, утверждал Н. И. Кареев. Подобно эволюции, которая распадается на пять эволюционирующих «элементов культуры» (эволюция миросозерцания, эволюция этики, эволюция политической организации, эволюция правовой регуляции, эволюция экономической кооперации [Кареев, 1897, с. 197, 198]), «общее понятие прогресса» также можно «разложить на пять понятий частных» (прогресс умственный, прогресс нравственный, прогресс политический, прогресс юридический, прогресс экономический [Кареев, 1897, с. 259]).

Кроме того, эволюция и прогресс подчиняются одним и тем же механизмам взаимозависимости. «В вечном взаимодействии», по мнению Н. И. Кареева, находились «процессы эволюции духовной культуры и социальной организации... Социальные формы сильны их признанием со стороны идей, господствующих в обществе, и сами суть условия для возникновения и развития идей в обществе» [Кареев, 1897, с. 199]. Тот же закон «взаимного соответствия» можно наблюдать и в отношении прогресса: «Раз нам дано общество, у членов которого... существуют духовные интересы, нравственные убеждения, стремление к свободе, желание равенства, некоторая солидарность... то эти зародыши будут непременно развиваться при благоприятных, конечно, условиях и притом либо разом все, либо некоторые, либо с одинаковой быстротой, либо одни быстрее, другие медленнее... В прогрессивном движении человечества все так тесно связано одно с другим, что если прогресс социальный немислим без прогресса умственного и нравственного, то и последний немислим без первого» [Кареев, 1897, с. 192, 224, 239, 240].

Наконец, в исторической эволюции и процессе прогрессивного развития велика роль «отклонений... от естественной последовательности развития... элементов культуры» [Кареев, 1897, с. 191]. «Планомерную эволюция», с точки зрения Н. И. Кареева, нарушают «постоянные кризисы», которые поражают либо один, либо несколько «элементарных процессов» развития общества. В результате «движение надорганической среды» превращается в ломаную «неправильную линию» [Кареев, 1897, с. 195–197].

История прогресса – движение к достижению общечеловеческих идеалов – тоже чревата чередованием «кризисов» и плавных постепенных изменений, которые детерминированы состоянием духовной культуры и социального строя общества [Кареев, 1897, с. 197, 247, 248].

Из всех приведенных Н. И. Кареевым аргументов (весьма спорных, на взгляд современников [Нечухрин, 2003, с. 52]) о сходстве и различии эволюции и прогресса, становилось ясным только одно: представление о прогрессе – это представление оценочного характера, а значит, оно субъективно, трудно согласуемо с идеалом доказательной науки, максимально точным, объективным, верифицируемым знанием, от которого сторонники «критического позитивизма» и не думали отказываться.

Эту же мысль выражал и М. М. Хвостов, когда

в 1909 г. заключил: «Понятие прогресса вовсе не входит в область *истории как эмпирической науки*, а является всецело достоянием философии истории, как и всякая оценка прошлого с точки зрения наших субъективных идеалов» [Хвостов, 1909, с. 824].

Видимо поэтому он и не проявил интереса к данному исследованию Н. И. Кареева; во всяком случае, он никогда не упоминал этот труд и не ссылаясь на него в своих сочинениях. Говоря о «достоянии философии истории», М. М. Хвостов имел в виду наследие авторов классических моделей теории прогресса, к примеру, Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса. На пороге XX в., когда зародились сомнения в выведенных аподиктическим путем глобальных схемах развития человечества, оторванные от эмпирии умозаключения начали смело подвергаться критике со стороны обществоведов «всех мастей». Крах теорий прогресса был ускорен и распространением неокантианства.

Заключение

Отказавшись от поиска универсальных законов развития общества, тождественных естественнонаучным законам, ученые и М. М. Хвостов, в том числе, должны были подвергнуть решительной ревизии весь философский арсенал позитивизма, включая и теорию прогресса, в позитивистской познавательной парадигме тесно увязанную с понятием «исторические закономерности» [Теория и методологии..., 2014, с. 182, 390, 476].

Руководствуясь новыми идеями и целями, ученые начинают предпочитать рассуждать не о прогрессе, а об эволюции с общей прогрессивной направленностью. Понятия «прогрессивные взгляды», «прогрессивные идеалы», тем не менее, в кругах либеральной интеллигенции оставались общеупотребительными, но скорее сигнализировали о политических симпатиях ученого, нежели о привязанности к неактуальным в новой интеллектуальной среде отжившим свой срок понятиям [Нечухрин, 2003, с. 22–24].

Свою востребованность сохраняли также и выражения «прогресс в науке», «прогресс в технике», «прогресс в хозяйстве» (или отдельной его сфере), прогресс в той или иной отрасли культуры: с ними продолжали связывать восхищение видимыми успехами (в сравнении с предыдущим состоянием), преклонение перед интеллектом и результатами блестящей работы светочей науки.

М. М. Хвостов с опозданием от своих коллег приблизительно на десятилетие начал отказываться от использования термина «прогресс». Он

делал это осознанно, меняя свои эпистемологические привычки под влиянием новых убеждений, овладевавших его мировоззрением. Одно из них было связано с признанием концепции Э. Мейера о циклическом развитии народов Древнего мира. Основанная на экономических детерминантах исторического процесса, она являлась отчетливым маркером намечившегося разрыва со всемирно-историческими теориями развития человечества. Но, как показала практика, новые доктрины овладевали сознанием М. М. Хвостова не сразу. Поначалу им приходилось пробивать брешь в прочном фундаменте философии позитивизма.

Библиографический список

1. Бернгейм Э. Введение в историческую науку / пер. с нем. под ред. проф. С. Е. Сабинина. Москва : Издание М. Н. Прокоповича, 1908. 135 с.
2. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории: в 2 ч. Ч. 2. Научные основы теории прогресса. 2-е изд., перераб. Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1897. 418 с.
3. Кон И. С. Позитивизм в социологии. Исторический очерк. Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1964. 207 с.
4. Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно : ГрГУ, 2003. 349 с.
5. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Особенности научного мировоззрения М. М. Хвостова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 4. С. 56–74. (а).
6. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. «Это был человек труда»: памяти М. М. Хвостова // Вопросы истории. 2020. № 10(4). С. 166–173. (б).
7. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. Москва : Языки русской культуры, 1997. 800 с.
8. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. Москва : Аквилон, 2014. 576 с.
9. Хвостов М. М. Геродот // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 12-е стереотипное изд. Москва, б/г. Т. XIV. С. 383–385. (а).
10. Хвостов М. М. Греко-персидские войны // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 12-е стереотипное изд. Москва, б/г. Т. XIV. С. 488–493. (б).
11. Хвостов М. М. Демосфен, сын Алкисфена // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 12-е стереотипное изд. Москва, б/г. Т. XVIII. С. 220. (в).
12. Хвостов М. М. Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи. I. История восточной торговли греко-римского

Египта (332 г. до Р. Х. – 284 г. по Р. Х.). Казань, 1907. С. 3, 71. (а).

13. Хвостов М. М. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. – 284 г. по Р. Х.). Казань : Типо-литография Императорского ун-та, 1907. 479 с. (б).

14. Хвостов М. М. История Греции. Лекции, читанные в Казанском университете и на Казанских высших женских курсах. 2-е изд., доп. / под ред. Г. Пригоровского. Москва : Государственное изд-во, 1924. 262 с.

15. Хвостов М. М. История Древнего Востока. 2-е изд. / под ред. Г. Пригоровского. Ленинград : Государственное изд-во, 1927. 275 с.

16. Хвостов М. М. История Древней Греции // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 12-е стереотипное изд. Москва, б/г. Т. XVI. С. 528–624. (г)

17. Хвостов М. М. История Рима: конспективное изложение лекций, читанных в 1906–1907 академическом году. Казань, 1907. С. 1–6. (в).

18. Хвостов М. М. К вопросу о задачах истории // Сборник статей, посвящённых Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). Москва : Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1909. С. 791–824.

19. Хвостов М. М. Лекции по методологии и философии истории. Изд. 2-е. Москва : Книжный дом «Либроком», 2011. 101 с.

Reference list

1. Berngejm Je. Vvedenie v istoricheskiju nauku = Introduction to historical science / per. s nem. pod red. prof. S. E. Sabinina. Moskva : Izdanie M. N. Prokopovicha, 1908. 135 s.
2. Kareev N. I. Osnovnye voprosy filosofii istorii: v 2 ch. Ch. 2. Nauchnye osnovy teorii progressa. 2-e izd., pererab. = Basic problems in philosophy of history: in two parts. Part 2. Scientific foundations for the theory of progress. 2nd ed., revised. Sankt-Peterburg : Tipografija M. M. Stasjulevicha, 1897. 418 s.
3. Kon I. S. Pozitivizm v sociologii. Istoricheskij ocherk = Positivism in sociology. Historical essay. Leningrad : Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1964. 207 s.
4. Nechuhryn A. N. Teoretiko-metodologicheskie osnovy rossijskoj pozitivistskoj istoriografii (80-e gg. XIX v. – 1917 g.) = Theoretical and methodological foundations of Russian positivist historiography (80s of XIX c. – 1917). Grodno : GrGU, 2003. 349 s.
5. Novikov M. V., Perfilova T. B. Osobennosti nauchnogo mirovozzrenija M. M. Hvostova = Characteristics of M. M. Khvostov's scientific outlook // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8. Istorija. 2020. № 4. S. 56–74. (a).
6. Novikov M. V., Perfilova T. B. «Jeto byl chelovek truda»: pamjati M. M. Hvostova = «He was a man of la-

bor»: in memory of M. M. Khvostov // *Voprosy istorii*. 2020. № 10(4). S. 166–173. (b).

7. Savel'eva I. M., Poletaev A. V. *Istorija i vremja. V poiskah utrachennogo = History and time. In Search of the lost*. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1997. 800 s.

8. *Teorija i metodologija istoričeskoj nauki. Terminologičeskij slovar' = Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary / otv. red. A. O. Chubar'jan*. Moskva : Akvilon, 2014. 576 s.

9. Hvostov M. M. *Gerodot = Herodotus // Jenciklopedičeskij slovar' russkogo bibliografičeskogo instituta Granat*. 12-e stereotipnoe izd. Moskva, b/g. T. XIV. S. 383–385. (a).

10. Hvostov M. M. *Greko-persidskie vojny = The Greek-Persian wars // Jenciklopedičeskij slovar' russkogo bibliografičeskogo instituta Granat*. 12-e stereotipnoe izd. Moskva, b/g. T. XIV. S. 488–493. (b).

11. Hvostov M. M. *Demosfen, syn Alkifena = Demosthenes, son of Alkisthenes // Jenciklopedičeskij slovar' russkogo bibliografičeskogo instituta Granat*. 12-e stereotipnoe izd. Moskva, b/g. T. XVIII. S. 220. (v).

12. Hvostov M. M. *Issledovanija po istorii obmena v jepohu jellinističeskikh monarhij i Rimskoj imperii. I. Istorija vostočnoj trgovli greko-rimskogo Egipta (332 g. do R. H. – 284 g. po R. H.) = Studies on the history of barter in the era of the Hellenistic monarchies and the Roman Empire. I. History of the Eastern Trade of Greek – Roman Egypt (332 B.C. – 284 A.D.)*. Kazan', 1907. S. 3, 71. (a).

13. Hvostov M. M. *Istorija vostočnoj trgovli greko-rimskogo Egipta (332 g. do R. H. – 284 g. po R. H.) = History of eastern trade in Greek-Roman Egypt (332*

BC – 284 AD). Kazan' : Tipo-litografija Imperatorskogo un-ta, 1907. 479 s. (b).

14. Hvostov M. M. *Istorija Grecii. Lekcii, chitannye v Kazanskom universitete i na Kazanskih vysshih ženskikh kursah. 2-e izd., dop. History of Greece. Lectures at Kazan University and Kazan Higher Women's Courses*. 2nd ed. / pod red. G. Prigorovskogo. Moskva : Gosudarstvennoe izd-vo, 1924. 262 s.

15. Hvostov M. M. *Istorija Drevnego Vostoka. 2-e izd. = History of the Ancient East*. 2nd ed. / pod red. G. Prigorovskogo. Leningrad : Gosudarstvennoe izd-vo, 1927. 275 s.

16. Hvostov M. M. *Istorija Drevnej Grecii = History of Ancient Greece // Jenciklopedičeskij slovar' russkogo bibliografičeskogo instituta Granat*. 12-e stereotipnoe izd. Moskva, b/g. T. XVI. S. 528–624. (g)

17. Hvostov M. M. *Istorija Rima: konspektivnoe izložhenie lekcij, chitannyh v 1906–1907 akademicheskom godu = History of Rome: an abstract of lectures delivered in the 1906-1907 academic year*. Kazan', 1907. S. 1–6. (v).

18. Hvostov M. M. *K voprosu o zadachah istorii = On the Objectives of History // Sbornik statej, posvjashčjonnyh Vasiliju Osipovichu Ključevskomu ego učenikami, druž'jami i pochitateljami ko dnu tridcatiletija ego professorskoj dejatel'nosti v Moskovskom universitete (5 dekabnja 1879 – 5 dekabnja 1909 goda)*. Moskva : Tov-vo «Pечатnja S.P. Jakovleva», 1909. S. 791–824.

19. Hvostov M. M. *Lekcii po metodologii i filosofii istorii. Izd. 2-e. = Lectures on the methodology and philosophy of history*. 2nd ed. Moskva : Knizhnyj dom «Librokom», 2011. 101 s.